

ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАКОНЫ ПО ДЕЛАМ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

При объявлении об учреждении комиссии для пересмотра¹, дополнения и изменения постановлений по делам книгопечатания выражено было желание, «чтобы литература наша несколько ближе ознакомила публику с вопросами, до законодательства о печати относящимися». Тут же было высказано мнение, что «сравнительное изложение законодательств других образованных государств и теоретическая оценка их могли бы приготовить общественное мнение к правильному разумению силы и значения новой системы законодательства о книгопечатании»².

В Западной Европе и в Америке существуют две главные системы законодательных и правительственных отношений к делам книгопечатания.

Первая система, господствующая в Англии, в Швейцарии и в Северо-Американских Штатах, утверждает на том общем принципе, что делам книгопечатания не придается никакого специального значения или исключительного положения: закон и правительство не делают никакой существенной разницы между этими и другими подобными делами, подлежащими только действию общих законов. Так, во-первых, типографская сторона книгопечатания ставится в одно положение со всеми обыкновенными фабричными производствами или мастерствами. Если не нужно никакого особенного разрешения, чтобы основать столярное или токарное заведение, суконную фабрику или свечной завод, то не требуется никакого разрешения и на заведение типографии. Ее может открыть всякий, у кого есть охота и средства. — Точно так же, если суконный фабрикант или шляпный мастер волен выставлять или не выставлять свое имя на изделии, то и типографщик волен печатать книги с обозначением или без обозначения своего имени на них. Но если шляпный фабрикант или зонтичный мастер выставит на своем изделии имя другого мастера или фабриканта, он, по жалобе этого мастера или фабриканта, подвергнется известному наказанию за подлог. Тому же

наказанию подвергается типографщик по претензии другого типографщика, если выставит его имя на книге, которую напечатал. Словом сказать, нет особенных законов и особенных наказаний для типографщиков, как нет особенных законов и наказаний для каретников, шорников, портных, трубочистов.

Точно так же нет особенных законов и наказаний для книгопродавцев, как нет особенных законов и наказаний для купцов, торгующих мылом или салом, шелковыми материями или зеркалами. Как без всякого разрешения открывается чайный магазин или мелочная лавочка, точно так же и книжная лавка.

Что касается писателей, сотрудников, редакторов, собственников статей, газет, журналов и книг, они также считаются обыкновенными людьми, вовсе не заслуживающими такого великого внимания со стороны законодательства и администрации, чтобы обращаться с ними по каким-нибудь особым правилам, чем с другими людьми. Как и всякие другие люди, они могут совершать действия, противные закону; но не предполагается, чтобы способ совершения таких действий посредством маленьких вещей, отливаемых из сплава, называющегося гартон, и посредством черной масляной краски, заключал в себе нечто специально-чародейственное и чтобы от этого способа изменялся характер самого действия, так что уже недостаточны против поступка, таким способом совершенного, те законы, которые достаточны против того же поступка, совершенного всяким другим способом. Например, человек может оклеветать или обесславить какое-нибудь лицо разными способами: распуская исподтишка изустные слухи, или рассказывая громко в обществе, или рассылая письма; если есть закон, достаточный для наказания клеветы, для уменьшения охоты к ней, для восстановления чести оклеветанного лица во всех этих случаях, — то считается, что этот закон достаточен для достижения той же цели и при совершении клеветы посредством печати. — Точно так же человек может очень различными способами возбуждать других людей к нарушению общественного порядка: он может делать это тайными разговорами наедине, громкими разговорами в обществе, рассылкою анонимных или подписанных писем; может вести людей к тому же какими-нибудь своими хитрыми действиями, приводящими их в раздражение не против него, а против закона или администрации, или вводя их в положения, ставящие во вражду к порядку, и действия эти, совершаемые ими под его влиянием, могут быть сами по себе или преступны (например, дать человеку сделаться вором — значит, сделать его готовым и к действиям против правительства, от которого будет он опасаться наказания), или могут быть сами по себе не преступны (например, дать человеку выпить лишнее, тут еще нет преступления; но пьяный человек готов на многое такое, чего не сделает трезвый). — Если общий закон, охраняющий спокойствие страны

и ее правительственные формы, достаточен для наказания за эти многообразные способы возбуждения и для обуздания охоты пользоваться ими, то предполагается, что он достаточен и против возбуждений, которые бы могли делаться посредством печати.

Такой взгляд утвердился, как мы сказали, в некоторых странах: в печати нет ничего столь важного, или опасного, или особенного, чтобы нужно или полезно было иметь для нее особенные законы; достаточно для общественной и частной безопасности прилагать к делам печати те самые законы, какие прилагаются вообще ко всяким делам.

Но на континенте Западной Европы преобладает другой взгляд, дающий делам печати какое-то исключительное значение и потому ставящий их в исключительное положение. Предполагается, что типографский станок имеет какую-то специфическую силу вроде беладаонны, серной кислоты, гремучего серебра, — вещей очень полезных, но только при чрезвычайно бдительном надзоре за их употреблением, и мгновенно могущих наделать страшных бед при малейшей оплошности. Попадись пакет с гремучим серебром в руки неосторожного или злонамеренного, разрушится целый дом, погибнут, пожалуй, сотни людей. Такое мнение, приписывающее чрезвычайную вредоносную силу наносить неисцелимые раны, существовало или существует и относительно очень многих предметов, не имеющих в себе ровно ничего такого. [Например, известно, как трепещут очень многие воробья, влетевшего в окно: он, видите ли, приносит смерть, и этой смерти несчастный жилец комнаты не может избежать никаким другим средством, кроме того как чтобы поймать вредоносную птицу и свернуть ей шею: тогда, значит, злодейственный воробей принес смерть себе самому, и дальнейшей беды от него не последует. Не менее страшную силу имеют три свечи, просыпанная соль, зуд в переносице.] Наше личное мнение не расположено к ожиданию ненатурально-вредоносных результатов от предметов и действий, в которых нет силы производить такие бедствия. Мы думаем, что для произведения общественных бед типографский станок слишком слаб. Ведь нет на нем столько чернил, чтобы, прорвавшись как-нибудь, затопили они страну, и нет в нем таких пружин, чтобы, сорвавшись как-нибудь и хлопнув по гартовым литерам, стрельнули они ими, как картечью. Нам кажется, что без достаточной причины не может произойти никакое потрясение или ниспровержение, да и вообще никакое действие; а если есть достаточные причины, то действие произойдет, как там ни хлопотать об устранении способов и поводов произойти ему: какие-нибудь способы и поводы все-таки представятся. Например, если нет людям достаточных причин быть недовольными, то и не внушишь им недовольства никакими словами, изустными ли, письменными ли, печатными ли. Это де-

лается не словами, а фактами жизни, — общественными отношениями и великими историческими случайностями вроде какого-нибудь неурожая или другого бедствия, которому ни содействовать, ни противодействовать типографский станок не может.

Но мы знаем, что и в этом деле, как в очень многих других, наш простой взгляд на дело кажется не довольно эффектен, не довольно мелодраматичен для большинства, которому везде греются романические фокусы, чудные сцепления, непостижимые особенности, производящие то колоссальную пользу, то неизмеримый вред посредством самых слабых сил и недостаточных материалов. Во многом тут причину сами литераторы, до забавности преувеличивающие важность своего ремесла, по слабости, свойственной людям всякого звания. По примеру мольеровского ювелира, рассматривавшего все на свете с точки зрения ювелирного мастерства, литераторы слишком часто провозглашают литературу тою осью, на которой вращается земля. Послушать их, так все великие события производились литературой. Неудивительно, что они подвержены такому самообольщению; но смешно, что посторонние-то люди, образованная-то публика и просвещенные-то администраторы во многих странах еще верят этой похвальбе и приходят — кто в удивление, кто в благоговение, кто в огорчение, кто в озлобление перед «великою, всевозбуждающею, всесовершенствующею» силою литературы над государственною жизнью. Ведь не верят же они сапожникам, думающим, что всего важнее сапожное искусство; смеются же они над портными, воображающими, что люди живут на свете только их услугами. Как, повидимому, не рассудить посторонним людям, что всякое ремесло важно в своей специальной сфере, а земля вертится и история движется вовсе не этим мастерством, а силами несравненно более и могущественными и простыми. Сапожник важен по части обуви, а в других делах ничего не значит. У литературы тоже свое особенное дело, — конечно, гораздо более возвышенное, но тоже специальное, и важна она только в этой специальной отрасли жизни, а общий ход жизни не зависит от нее. Литература излагает наблюдения, мысли, сообщает теоретические сведения. В этом деле она чрезвычайно важна. Но разве от приобретения теоретических сведений человек чувствует голод и холод, раздражается обидами, радуется счастливому устройству своих обстоятельств? Это все делается в нем совершенно с одинаковою силою, грамотен ли он, или безграмотен. С литературою и без литературы все равно стремится он к одним и тем же целям, возбуждается теми же чувствами. Только он менее просвещен без литературы, вот и вся разница. Правда, разница очень важная, оказывающая великое влияние и на характер исторических событий. Мы несверно сказали, что история не зависит от литературы, — нет, много зависит; только в чем?

Не в сущности событий, а в их форме. Форма действий человека определяется степенью его образованности. Рассердится очень грубый человек, — он бьет в зубы того, на кого рассердился; если он немножко образован, он уже не станет драться, — он стыдится драки, да и знает, что она — дело лишнее: он умеет достаточно уязвить противника грубыми словами. Но если он еще более развит, он и грубые-то слова находит лишними: в мягких, совершенно приличных выражениях он сумеет обнаружить свое раздражение и достигнет той же цели. Значит, дело не в том, бывают ссоры или не бывает их: это зависит от обстоятельств жизни, чаще всего от денежных дел, а не от степени просвещения; она определяет только то, какая форма избирается для ссоры: грубая или благопристойная.

Но мы повторяем, что вовсе не ждем, чтобы так уж сейчас же показалось такое мнение справедливым большинству общества у нас ли, или даже на континенте Западной Европы, кроме одной Швейцарии. Эти страны еще слишком мало познакомились с размером литературного влияния при такой же свободе действий литературного занятия, какими пользуются все занятия, поставленные только под общий закон, не стесненные никакими специальными ограничениями и надзорами. Это большинство восхищается или тревожится суеверными обольщениями относительно силы литературы производить исторические перевороты. А мнение большинства, — справедливое или несправедливое, все равно, — господствует над всеми общественными отношениями, и между прочим оно определяет общественное положение литературы. Оно внушает и держит во Франции, в Пруссии, в Австрии специальные законы и специальные меры предосторожности против литературы. Нельзя думать, чтобы в нашем обществе, еще менее опытным и рассудительным по этому делу, мог волшебным образом установиться другой взгляд. Поэтому, если мы хотим говорить о правдоподобном, то должны обратить внимание не на ту систему, которая подчиняет литературу только общему закону [такой порядок дел еще не может водвориться у нас обыкновенным путем], а на систему, считающую необходимым специальное законодательство для литературы.

Из специальных законодательств по литературным делам самое образцовое — нынешнее французское законодательство. Называем его образцовым не потому, чтобы оно было самое лучшее для правительства или для общества (а для литературы оно самое худшее: это всем известно), — нет, оно образцовое потому, что фактически служило и служит образцом для других законодательств той же системы, как и вообще вся французская государственная жизнь служила и служит образцом для континентальных стран Западной Европы, не успевших подняться еще и на ту степень исторического развития, какой достигла Фран-

ция. Браните Францию, хвалите Францию, как хотите, а все-таки она — передовая страна европейского континента и теперь, как была с давних пор, и все-таки другие страны учатся у нее. Но ученики не могут хорошенько разбирать, что именно хорошо и что дурно у француза, — если б они умели разбирать это, они были бы опытнее и разумнее учителя, то есть уж и не были бы его учениками, а сделались бы его наставниками. Мы хотели сказать очень не новую мысль, что вместе с огромным количеством хорошего континентальные страны перенимают у Франции и довольно много дурного. Речь не о том, к хорошему или к дурному принадлежит то, что они перенимают от нее специальное литературное законодательство, — мы думаем только, что это вещь неизбежная.

Итак, прежде всего нам надобно изучить французское литературное законодательство. Мы хотим сделать это самым солидным и холодным образом и начнем прямо переводом важнейших французских постановлений по делам печати. Они не сведены в один кодекс, а состоят из нескольких отдельных законов. Мы представим существенные статьи главных из этих законов.

Перевод займет довольно много страниц, и страницы эти будут совершенно сухи, очень скучны. Но кто хочет верить на слово заключениям, которые мы сделаем из них, тот может и во все не заглядывать в эти страницы голого перевода. А кто захочет проверить наши соображения, тому обязаны же <мы> представить самый текст законов, о которых будем судить.

ТЕКСТ ВАЖНЕЙШИХ ФРАНЦУЗСКИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

ЗАКОН 21 ОКТЯБРЯ 1814

Статья 11. Ни типографщиком, ни книгопродавцем не может быть никто иначе, как по патенту от правительства и по принятии присяги.

Статья 12. Патент может быть взят назад у каждого типографщика или книгопродавца, признанного по судебному приговору виновным в нарушении законов и правил.

Статья 13. Тайные типографии подвергаются уничтожению, а их владельцы и хранители наказываются штрафом в 10 тысяч франков и 6-месячным заключением в тюрьму. Тайною считается всякая типография, не объявленная в общем управлении книжных дел и для которой не было получено разрешения.

Статья 14. Типографщик не может печатать сочинения, не объявив предварительно, что намерен печатать его, и не может каким бы то ни было образом выпускать его в продажу или обнародовать без предварительного представления предписанного

числа экземпляров: в Париже — в секретарство общего правления книжных дел, а в департаментах — в секретарство префектуры.

Статья 15. Задержка и секвестр сочинения происходят: 1) если типографщик не представит расписок в объявлении и в представлении сочинения по предыдущей статье; 2) если на каждом экземпляре не выставлено истинного имени и истинного жительства типографщика; 3) если сочинение предано суду за свое содержание.

Статья 16. Недостаток предварительного объявления до печатания и недостаток предварительного представления до обнаружения, обнаруженный по смыслу предыдущей статьи, наказывается каждый в отдельности штрафом в 1000 франков в первый раз и в 2000 франков во второй.

Статья 17. Недостаток выставления своего имени и своего жилища типографщиком наказывается штрафом в 3000 франков. — Выставление ложного имени и ложного местожительства наказывается штрафом в 6000 франков, независимо от тюремного заключения, установленного уголовным кодексом.

Статья 18. Экземпляры, задержанные по причине простого нарушения настоящего закона, возвращаются по уплате штрафов.

Статья 19. Книгопродавец, у которого будет найдено сочинение без имени типографщика или который будет уличен в том, что продавал или раздавал такое сочинение, подвергается штрафу в 2000 франков. Штраф уменьшается до 1000 франков, если книгопродавец укажет типографщика.

ЗАКОН 28 ФЕВРАЛЯ 1818

Когда сочинение было задержано по 15 статье закона 21 октября 1814, приказ и протокол о его задержании теряют свою силу, если не будут объявлены в течение 24 часов лицу, у которого должна быть произведена задержка и которое может протестовать против нее.

ЗАКОН 17 МАЯ 1819

Глава I

О публично возбуждении к преступлениям и проступкам

1. Кто речами, криками или угрозами, произнесенными в общественных местах или собраниях, или сочинениями и всякими печатными вещами, рисунками, гравюрами, картинами или эмблемами, проданными или розданными, продающимися или выставленными в общественных местах или собраниях, или объявлениями и афишами, выставленными на виду публики, возбу-

дит виновника или виновников какого-либо действия, признаваемого преступлением или проступком, к совершению этого поступка, — признается соучастником этого поступка и наказывается, как соучастник.

2. Если кто одним из способов, исчисленных в статье 1-й, делает возбуждение к совершению какого-либо преступления или каких-либо преступлений, но это возбуждение останется без всякого последствия, — тот наказывается заключением в тюрьму от 3 месяцев до 5 лет и штрафом от 50 франков до 6000 франков.

3. Если кто одним из тех же способов сделает возбуждение к совершению какого-либо проступка или каких-либо проступков, но это возбуждение останется без всякого последствия, то наказывается заключением в тюрьму от 3 дней до 2 лет и штрафом от 30 франков до 4000 франков или только одним из этих двух наказаний, смотря по обстоятельствам; кроме тех случаев, в которых закон постановляет менее тяжелое наказание самому виновнику проступка, — в этих случаях наказание, определенное виновнику, налагается и на возбуждавшего к проступку.

6. Возбуждение одним из этих способов к неповиновению законам подлежит наказаниям, установленным статьею 3-ею.

Г л а в а II

Об оскорблениях общественной и религиозной нравственности или добрых нравов

8. Всякое оскорбление общественной и религиозной нравственности или добрых нравов одним из способов, исчисленных в статье 1-й, наказывается заключением в тюрьму от 1 месяца до 1 года и штрафом от 16 франков до 500 франков.

Г л а в а III

Об оскорблениях королю

9. Кто одним из способов, исчисленных в ст. 1-й настоящего закона, делается виновным в оскорблении лицу короля, наказывается заключением в тюрьму от 6 месяцев до 5 лет и штрафом от 500 франков до 10 000 франков. — Виновный, сверх того, может быть лишен некоторых или всех прав, упомянутых в статье 42 уголовного кодекса, на время, равное сроку тюремного заключения, на которое он осужден; это время считается с того дня, в который он подвергается наказанию.

(Ст. 42 уголовного кодекса. Исправительные судилища могут в известных случаях лишать вполне или отчасти следующих общественных, частных и семейных прав: 1) права голоса на выборах; 2) права быть избираемым; 3) быть призываемым или назначаемым в звание присяжного или другие общественные звания, или административные должности, или исполнять эти звания или должности; 4) права носить оружие; 5) права участия

и голоса в семейных советах; 6) права быть опекуном, попечителем, кроме как своих детей и только по решению семейного совета; 7) быть экспертом или свидетелем в актах; 8) быть свидетелем в суде иначе как просто для сообщения сведений, не возбуждающих спора).

Г л а в а IV

*О публичных оскорблениях членам королевской
фамилии, иностранным государям и главам
иностраннных правительств*

10. Оскорбление одним из способов, исчисленных в ст. 1, членов королевской фамилии наказывается заключением в тюрьму от 1 месяца до 3 лет и штрафом от 100 до 5000 франков.

12. Оскорбление одним из тех же средств иностранных государей или глав иностранных правительств наказывается заключением в тюрьму от 1 месяца до 3 лет и штрафом от 100 до 5000 франков.

Г л а в а V

О публичных обесславлении и обиде

13. Приведение или взведение на какое-либо лицо или корпорацию факта, вредящего чести или уважению этого лица или этой корпорации, есть обесславление. — Оскорбительное выражение, презрительное или нападчивое слово, не заключающее в себе взведения никакого факта, есть обида.

14. Обесславление и обида, совершенные одним из способов, исчисленных в статье 1-й настоящего закона, наказываются по следующим различиям.

16. Обесславление облеченного общественною властью или служащего лица за факты, относящиеся к его должности, наказывается заключением в тюрьму от 8 дней до 1½ года и штрафом от 50 до 3000 фр. — Заключение в тюрьму и штраф в этом случае могут назначаться оба вместе или только одно из них, смотря по обстоятельствам.

17. Обесславление посланников, полномочных министров, послов, поверенных по делам или других дипломатических агентов, аккредитованных у короля, наказывается заключением в тюрьму от 8 дней до 1½ года и штрафом от 50 до 3000 фр. или только одним из этих наказаний, смотря по обстоятельствам.

18. Обесславление частных лиц наказывается заключением в тюрьму от 5 дней до 1 года и штрафом от 25 до 2000 фр. или только одним из этих двух наказаний, смотря по обстоятельствам.

19. Обида лицам, означенным статьями 16 и 17 настоящего закона, наказывается заключением в тюрьму от 5 дней до 1 года и штрафом от 25 до 2000 фр. или только одним из этих двух наказаний, смотря по обстоятельствам. — Обида частным лицам наказывается штрафом от 16 до 500 фр.

Глава VI

Общие распоряжения

24. Типографщики, напечатавшие сочинения, авторы которых подвергнутся суду по силе настоящего закона, если исполнили обязанности, предписанные законом 21 октября 1814 г., не могут быть предаваемы суду за самый факт напечатания этих сочинений, если не действовали умышленно.

ЗАКОН 26 МАЯ 1819

1. Преследование преступлений и проступков, совершенных посредством печати или другим способом обнародования, происходит от официальной власти и по требованию королевского прокурора, с нижеследующими видоизменениями.

2. В случаях оскорбления обеим палатам или одной из них, преследование происходит не иначе, как по разрешению палаты, которая сочтет себя оскорбленной.

3. В случаях того же проступка против лица иностранных государей и глав иностранных правительств, преследование происходит не иначе, как по жалобе или требованию государя или главы правительства, который почтет себя оскорбленным.

4. В случае обесславления или обиды правительственных мест, судилищ и других правительственных учреждений, преследование происходит не иначе, как по совещанию этих учреждений в общем присутствии и по решению их требовать преследования.

5. В случае тех же проступков против облеченного общественною властью или служащего лица, против иностранного дипломатического агента, аккредитованного при короле, или против частного лица, преследование происходит не иначе, как по жалобе лица, которое почтет себя обиженным.

7. Немедленно по получении прокурорского обвинительного акта или по получении жалобы следственный судья может секвестровать сочинения, афиши, рисунки, гравюры, эмблемы или другие средства обнародования. — Приказ о секвестре и протокол секвестрования должен быть в течение 3 дней по совершении секвестра объявлен лицу, в руках которого находился секвестрованный предмет; иначе секвестр теряет свою силу.

8. В течение 8 дней от вышесказанного объявления следственный судья обязан сделать доклад палате совета, которая поступает по силе уголовного следственного кодекса, кн. 1-й, гл. IX, кроме видоизменений, устанавливаемых ниже.

9. Если палата совета единогласно думает, что нет основания к преследованию, она отменяет секвестр.

10. В противном случае или в случае протеста королевского

прокурора или истца против решения палаты совета следственных акты немедленно передаются генерал-прокурору, который обязан в пятидневный срок по их получении сделать доклад палате, рассматривающей вопросы о предании суду, которая обязана постановить решение в течение 3 дней.

11. По несоблюдению какого-либо из этих сроков секвестр тем самым уже уничтожается, и лицо, хранению которого вручен секвестрованный предмет, обязано возвратить его собственнику по простому предъявлению экзекуторского удостоверения в том, что распоряжения в срок не сделано. — Экзекутор обязан по первому требованию давать такое удостоверение под страхом штрафа в 300 франков и, сверх того, уплаты могущих быть проторей и убытков.

14. Проступки обесславления и обиды посредством печати частным лицам судятся трибуналами исправительной полиции.

20. Не дозволяется доказывать истину обеславливающих фактов, кроме как в случае взведения их на лица, облеченные общественною властью, или служащие, когда эти взводимые на них факты относятся к исполнению ими должности и совершены ими в официальном характере. В этом случае факты могут быть доказываемы пред уголовным судом всеми обыкновенными путями. — Доказательство взведенных фактов ставит взведшее лицо вне всякого наказания, независимо, впрочем, от наказаний, налагаемых за всякую обиду, не зависящую необходимо от этих самых фактов.

23. Жалующийся на обеславление или обиду может представлять свидетелей в защиту своей нравственности. Обвиняемому им в обесславлении или обиде не дозволяется представлять свидетелей против нравственности жалующегося.

26. Приговор, осуждающий виновных или соучастников преступлений и проступков, совершенных посредством опубликования, всегда должен повелевать уничтожение или разрушение секвестрованных предметов. — Публикация приговора в газетах или посредством афиш может быть приговором постановляема на счет осужденного.

29. Преследование преступлений и проступков, совершенных путем печати или каким-либо другим способом публикации, не может уже быть начинаемо по истечении 6-месячного срока со времени обнаружения.

ЗАКОН 9 ИЮНЯ 1819

3. Газетный залог исключительно назначается на издержки, протори, и убытки, и штрафы, которым могут подвергаться собственники или издатели. В случае его недостаточности взыскание производится с имущества ответственных собственников или

издателей газет или журнала и авторов и редакторов осужденных статей.

4. Штрафы должны быть уплачены и залог пополнен в 15-дневный срок от объявления приговора; по истечении 15 дней без пополнения залога, газета или журнал перестает выходить, пока залог будет пополнен.

6. Кто выпустит в свет газету или журнал без удовлетворения условиям, предписанным статьею 4 настоящего закона, подвергается исправительному наказанию заключением в тюрьму от 1 до 6 месяцев и штрафом от 200 до 1200 франков.

8. Всякая газета обязана помещать присылаемые ей правительством для напечатания официальные сообщения на следующий же день по получении этих бумаг, под одним условием уплаты издержек их напечатания.

9. Собственники или ответственные издатели газеты или журнала, или авторы, или редакторы напечатанных в нем статей, преданных суду, будут преследуемы и судимы по формам и степеням, установленным относительно всех других публикаций.

10. В случае осуждения они подвергаются тем же наказаниям; но штрафы могут быть увеличиваемы вдвое, а в случае повторения преступления или проступка увеличиваемы в четыре раза, независимо от устанавливаемых уголовным кодексом наказаний за повторение проступка или преступления.

(По проступкам, повторением проступка называется то, когда до истечения года со времени первого приговора совершается тем же лицом новый проступок (Уголовный кодекс, ст. 483).

Уголовный кодекс, ст. 58. Виновные, осужденные на исправительное наказание заключением в тюрьму более чем на год, присуждаются, в случае нового проступка, к высшей мере наказания, установленной законом, и это наказание может быть увеличиваемо вдвое. Сверх того, они подвергаются особенному надзору правительства от 5 до 10 лет).

Это относится к случаям, когда подвергающее наказанию действие составляет по французскому закону только проступок, а не преступление, а к повторению преступлений относятся следующие статьи:

(Ст. 56. Кто, будучи осужден на карательное или бесславящее наказание (бесславящим наказанием называется по французскому закону лишение каких-либо прав), совершит второе преступление, влекущее за собою потерю гражданских прав, тот подвергается изгнанию. Если второе преступление влечет за собою заключение в тюрьму, он подвергается высшей мере этого наказания, могущей быть увеличивасмоу вдвое.

Уголовный кодекс, ст. 57. Кто, будучи наказан за преступление, совершит проступок, влекущий за собою исправительное наказание, подвергается высшей мере наказания, и она может быть удвоена).

12. Нарушение ст. 8 наказывается штрафом от 100 до 1000 фр.

13. Преследование за нарушение ст. 8 не может быть начато по прошествии трех месяцев со времени нарушения.

ЗАКОН 25 МАРТА 1822

О наказании

1. Кто одним из способов, исчисленных в ст. закона 17 мая 1819, оскорбит или обратит в смех государственную религию, наказывается заключением в тюрьму от 3 месяцев до 5 лет и штрафом от 300 до 6000 фр. — Тем же наказанием подвергается тот, кто оскорбит или обратит в смех всякую другую религию, существование которой законно признано во Франции.

4. Кто одним из тех же способов будет возбуждать к ненависти или презрению против правительства короля, наказывается заключением в тюрьму от 1 месяца до 4 лет и штрафом от 150 до 5000 франков. Настоящая статья не нарушает права подвергать обсуждению и порицанию действия министров.

5. Обесславление или обида, одним из тех же способов, правительственных мест, судилищ, законных учреждений, общественных властей и администрации наказывается заключением в тюрьму от 15 дней до 2 лет и штрафом от 150 до 5000 франков.

6. Публичное оскорбление каким-либо способом одного или нескольких членов палат, или лица, состоящего на службе, или служителя государственной религии, или какой-либо из религий, существование которых законом признано во Франции, за его служебные обязанности или в его служебном характере, наказывается заключением в тюрьму от 15 дней до 2 лет и штрафом от 100 до 4000 франков. Такой же проступок против присяжного за его обязанности или против свидетеля за его показания наказывается заключением в тюрьму от 10 дней до 1 года и штрафом от 50 до 3000 франков.

7. Неверность и недобросовестность в газетных и журнальных отчетах о заседаниях палат, правительственных мест и судилищ наказывается штрафом от 1000 до 6000 франков. В случае повторения или когда отчет будет оскорбителен для той или другой палаты или для кого-либо из пэров и депутатов, или обижен для правительственного места, судилища или кого-либо из судебных сановников, присяжных или свидетелей, — издатели газеты, сверх того, наказываются заключением в тюрьму от 1 месяца до 3 лет. В тех же случаях может быть запрещается на время или навсегда собственникам и издателям осужденных газеты или журнала помещать отчеты о законодательных или судебных прениях. Нарушение этого запрещения подвергается наказаниям, указанным этою статьею, в удвоенном размере.

10. Кто одним из средств, исчисленных 1 статьею закона 17 мая 1819 г., будет стараться нарушать общественное спокойствие, возбуждая граждан к презрению или ненависти против какого-либо класса или каких-либо классов, наказывается заключением в тюрьму от 15 дней до 2 лет и штрафом от 100 до 4000 франков.

11. Собственники или издатели газеты или журнала обязаны помещать в 3-дневный срок от получения или в ближайшем номере, если издание не выходило до истечения 3-дневного срока, ответ всякого лица, поименованного или обозначенного в газете или журнале, под страхом штрафа от 50 до 500 фр., независимо от других наказаний и проторей и убытков, могущих возникнуть из обвиненной статьи. Это помещение должно быть бесплатное, и ответ может иметь размер вдвое больший статьи, на которую он делается.

ЗАКОН 18 ИЮЛЯ 1828

1. Всякий совершеннолетний француз, пользующийся гражданскими правами, может, без предварительного разрешения, издавать газету или журнал, сообразуясь с постановлениями настоящего закона.

2. Собственники или издатели газеты или журнала обязаны до начала издания представить залог.

3. Изъемяются от всякого залога: 1) газеты или журналы, выходящие только раз в месяц или реже; 2) газеты или журналы, исключительно посвященные математическим, физическим и естественным наукам или ученым трудам и исследованиям, или механическим и свободным искусстваам, то есть наукам и искусстваам, которыми занимаются академии наук и словесности; 3) газеты и журналы, чуждые политике и исключительно посвященные словесности или другим отраслям знания, не обозначенным выше, если выходят не более двух раз в неделю; 4) периодические издания, чуждые политике и выходящие не на французском языке; 5) периодические листы, исключительно посвященные объявлениям, известиям о ценах и прейскурантам.

6. Газета или журнал, подлежащие залогу, не могут издаваться без предварительного объявления, содержащего: 1) имя газеты или журнала и сроки выхода; 2) имя всех собственников, их жительство и их участие в предприятии; 3) имя и место жительства ответственных редакторов; 4) заявление, что эти собственники и редакторы имеют качества, требуемые законом (качества эти определяются статьею 980 гражданского кодекса следующим образом: они должны быть мужчины, совершеннолетние, подданные императора, пользующиеся гражданскими правами); 5) указание типографии, в которой будет печататься газета или журнал; о всякой перемене в имени издания, сроках его выхода, в собственниках, или ответственных издателях, или в типографии должно быть заявляемо власти в течение 15 дней, следующих за переменою. Эта обязанность лежит на ответственных редакторах; за неисполнение они наказываются штрафом в 500 франков.

8. Всякий № издания подписывается в корректуре ответственным редактором. Этот подписанный экземпляр представляется

местному королевскому прокурору, а в городах, в которых нет трибунала первой инстанции, мэру, под страхом штрафа в 500 франков. В предъявлении подписанного экземпляра дается расписка. — Подпись печатается на всех экземплярах. — Лицо подписавшее отвечает за содержание подписанного номера и подвергается всем наказаниям, могущим последовать за него, независимо от ответственности автора статьи, как соучастника. Потому судебное преследование может быть ведено как против лиц, подписавших номер, так и против автора или авторов обвиненной статьи.

15. В случае повторения преступления или проступка тем же ответственным редактором, судилища, независимо от постановления статьи 10 закона 9 июня 1819 г., могут, смотря по важности проступка, приостанавливать издание газеты или журнала на время от 10 дней до 2 месяцев.

ЗАКОН 8 ОКТЯБРЯ 1830

1. Все проступки, совершаемые способом печати, подлежат производству в ассизных судах.

6. Политические проступки также подлежат производству в ассизных судах.

ЗАКОН 29 НОЯБРЯ 1830

1. Нападение одним из способов, исчисленных статьею 1 закона 17 мая 1819 г., против королевского достоинства, порядка престолонаследия, прав, имеемых королем по желанию французской нации и по конституционной хартии, против его конституционной власти, неприкосновенности его особы, против прав и власти палат, наказывается заключением в тюрьму на время от 3 месяцев до 5 лет и штрафом от 300 до 6000 франков.

ЗАКОН 14 ДЕКАБРЯ 1830

2. Неизменная штемпельная пошлина с газет и журналов устанавливается в 6 сантимов с каждого листа величиною в 30 квадратных дециметров и меньше, и в 3 сантима с каждого полулиста в 15 квадратных дециметров и меньше. — Газета или журнал, печатаемые на полулисте более 15 и менее 30 квадратных дециметров, платят по прибавочному сантимому за каждые 5 квадратных дециметров. — Не берется прибавочной пошлины за дробь, меньшую 5 дециметров. — Не берется пошлины с прибавления, не превышающего 30 квадратных дециметров, выдаваемого при газетах, печатаемых на листе в 30 квадратных дециметров и меньше,

ЗАКОН 10 СЕНТЯБРЯ 1835

Отдел первый

О преступлениях, проступках и нарушениях правил

1. Всякое возбуждение одним из средств, исчисленных в статье 1 закона 17 мая 1819 г., к преступлениям, предусмотренным статьями 86 и 87 уголовного кодекса, будет ли оно иметь последствие, или останется без последствий, есть преступление против государственной безопасности. — Если оно будет иметь последствия, то наказывается сообразно ст. 1 закона 17 мая 1819 г. (то есть как государственное преступление подлежит наказанию, определенному статьею 87 уголовного кодекса). — Если оно останется без последствий, оно наказывается лишением личной свободы и штрафом от 10 000 до 50 000 франков.

(Уголовный кодекс, ст. 87. Преступление, имеющее целью низвержение или изменение правительства, или порядка престолонаследия, или возбуждение граждан к поднятию оружия против императорской власти, наказывается ссылкой в крепость.

Ст. 88. Только исполнение или попытка к исполнению составляют преступление (то есть один замысел, не сопровождавшийся никакою попыткой исполнения, не составляет преступления).

Лишением свободы (detention) называется по французскому уголовному кодексу наказание более сильное, чем простое заключение в тюрьму (emprisonnement). Заключение в тюрьму бывает простым исправительным, а не уголовным наказанием; лишение свободы — всегда уже уголовное наказание. — Заключение в тюрьму имеет сроки и очень непродолжительные, например, несколько дней; а лишение свободы назначается всегда на срок не менее 5 лет. Наконец заключение в тюрьму есть заключение в обыкновенную тюрьму, а лишение свободы есть заключение в крепость. Вот определение лишения свободы по статье 20 уголовного кодекса: «Осужденный на лишение свободы запирается в одну из крепостей, находящихся на континентальной территории империи. — Он имеет сношения с лицами, находящимися в месте его заключения или вне того места, по полицейским регламентам» (то есть свидания с ним и переписка его подлежат более строгому ограничению и надзору, чем у лица, подвергнувшегося простому заключению в тюрьму). «Лишение свободы налагается на время от 5 до 20 лет». — Наконец, по статье 47 уголовного кодекса, человек, подвергнувшийся лишению свободы, остается по окончании своего наказания на всю жизнь под надзором политической полиции, которому не подлежит лицо, подвергнувшееся простому заключению).

2. Оскорбление королю, совершенное теми же способами, когда оно имеет целью возбудить к ненависти и к презрению его особы или его конституционной власти, есть преступление против государственной безопасности. Виновный в нем судится и наказывается по предыдущей статье.

3. Всякое другое оскорбление королю наказывается по ст. 9 закона 17 мая 1819 г.

4. Кто переносит на короля порицание или ответственность за действия его правительства, наказывается заключением в тюрьму

сроком от 1 месяца до 1 года и штрафом от 500 до 5000 франков.

5. Нападение на принцип или форму правительства, установленного конституцией 1830 г., есть государственное преступление против безопасности государства, когда имеет целью возбудить к низвержению или перемене правительства. Виновный в нем судится и наказывается по ст. 1 настоящего закона.

6. Всякое другое нападение, предусмотренное законом 21 ноября 1830 г., остается подлежащим наказанию, установленному тем законом.

7. Наказаниям, упомянутым в предыдущей статье, подлежат те, которые публично признают всякую другую форму правительства, приписывая права на французский престол лицам, навсегда изгнанным по закону 10 апреля 1832 г. (то есть Бурбонам старшей линии)³, или кому-либо, кроме Людовика-Филиппа I и его потомства; или принимая название республиканца или иное, несовместное с конституцией 1830 г.; или выражая желание, надежду или угрозу о низвержении конституционного монархического порядка или о восстановлении низложенной династии.

8. В случаях, предусмотренных предыдущей статьею настоящего закона и статьею 8 закона 17 мая 1819 г., судилища могут, смотря по обстоятельствам, возвышать наказание до двойного размера означенной в том законе высшей степени.

9. Во всех случаях обесславления, предусмотренных законами, установленные наказания могут, смотря по важности обстоятельств, быть увеличиваемы до двойного размера высшей степени наказания как относительно заключения в тюрьму, так и относительно штрафа. — Сверх того, виновный может быть лишаем всех или некоторых прав, исчисляемых статьею 42 уголовного кодекса, на время, равное сроку заключения в тюрьму.

(Ст. 42 уголовного кодекса приведена выше.)

11. Воспрещается публично открывать или объявлять подписки, имеющие целью вознаградить штрафы, издержки, протори и убытки, наложенные судебными приговорами. Нарушение этого наказывается заключением в тюрьму от 1 месяца до 1 года и штрафом от 500 до 5000 франков.

12. В случае вторичного осуждения того же ответственного редактора или той же газеты в течение одного года судилища могут приостанавливать издание газеты на время до 4 месяцев, если осуждение было за преступление (то есть не за простой проступок).

Отдел второй

Об ответственном редакторе газет
и журналов

13. Залог вносится деньгами в казначейство, которое платит по нему проценты. Залог определяется следующий. Если газета или журнал выходит более двух раз в неделю, залог должен быть

100 000 франков. Он должен быть в 75 000 франков, если газета или журнал выходит только два раза в неделю. Он должен быть в 50 000 франков, если газета или журнал выходит один раз в неделю. Он должен быть в 25 000 франков, если газета или журнал выходит только более одного раза в месяц. (Эти размеры залога определяются для изданий, выходящих в департаментах Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, т. е. в Париже и его окрестностях.) Залог ежедневных газет, выходящих в других департаментах, кроме трех поименованных, должен быть в 25 000 франков в городах, имеющих 50 000 жителей и более; он должен быть в 15 000 франков в городах, имеющих менее 50 000 жителей. Он равняется половине этих сумм для газет и журналов не ежедневных.

14. Продолжают быть изъяты от всякого залога газеты и журналы, упомянутые в статье 3 закона 18 июля 1828 года.

15. Ответственный редактор должен владеть на свое частное имя третьею частью залога. Если эта часть подвергается уменьшению или по частной сделке, или по взысканию с нее штрафа, ответственный редактор в течение 15-дневного срока должен смениться или пополнить эту часть; иначе издание останавливается.

16. По статье 8 закона 18 июля 1828 г. ответственный редактор обязан подписывать каждый номер своего издания. Нарушение этого правила наказывается штрафом от 500 до 3000 франков.

17. Ответы, упоминаемые ст. 11 закона 25 марта 1822 г., должны быть помещаемы в полном составе и бесплатно в номере, следующем за днем их получения, под страхом наказаний по сказанному закону. Но если ответ имеет размер, превышающий двойную длину статьи, на которую делается, то за печатание превышающей части берется плата по таксе объявлений.

19. В случае заключения в тюрьму ответственного издателя за преступление или проступок по делам печати или за нарушение правил по этим делам, издание во все время его заключения и лишения гражданских прав не может выходить иначе, как с новым ответственным редактором.

ЗАКОН 16—23 ИЮЛЯ 1850

О т д е л п е р в ы й

О з а л о г е

1. Для департаментов Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны залог газет определяется следующий: если газета или журнал выходит более 3 раз в неделю, залог должен быть 24 000 франков. — Он должен быть в 18 000 франков, если газета выходит только 3 раза в неделю или реже. — В городах, имеющих 50 000 жителей и более, залог газет, выходящих более 5 раз в неделю,

должен быть 6000 франков. Он должен быть 3600 франков в других департаментах. Газеты и журналы, выходящие 5 раз в неделю или реже, должны иметь залог в половину этих сумм.

(После февральской революции как залог, так и штемпельный налог были совершенно отменены декретом 4 марта 1848 года.)

3. Всякая статья, рассуждающая о политике, философии и религии, должна быть подписана своим автором под страхом штрафа в 500 франков за первое нарушение, 1000 франков в случае его повторения. Фальшивая подпись наказывается штрафом в 1000 франков и заключением в тюрьму на 6 месяцев как лица, фальшиво подписавшегося, так и против автора статьи и ответственного редактора.

4. Постановления предыдущей статьи прилагаются ко всем журнальным статьям, в которых рассуждается о действиях или мнениях граждан и индивидуальных или коллективных интересах.

Отдел второй

О штемпеле

12. Газеты и журналы, выходящие нумерами меньше 10 листов от 25 до 32 квадратных дециметров или меньше 5 листов от 50 до 72 квадратных дециметров, подвергаются штемпельной пошлине⁴. Она устанавливается в 5 сантимов с листа в 72 квадратных дециметра и меньше в департаментах Сены и Сены и Уазы и в два сантима с газет и изданий в других департаментах.

(72 квадратные дециметра равняются 380 квадратным вершкам, так что лист этого размера будет иметь около аршина в длину или высоту и около $1\frac{1}{2}$ аршина в ширину ($16 \times 24 = 384$). Парижские газеты большого формата имеют лист около 15 вершков в длину или высоту и около 21 вершка в ширину, то есть около 315 квадратных вершков. Из наших изданий почти таков формат «Санктпетербургских ведомостей» и «Современной летописи», «Русского вестника». Размер печатного листа наших журналов вдвое меньше; например, лист «Отечественных записок» имеет около 11 вершков в высоту и около 14 вершков в ширину, то есть около 155 квадратных вершков.)

13. За каждые 10 квадратных дециметров или долю их свыше размера в 72 дециметра взимается $1\frac{1}{2}$ сантима.

14. Роман, печатаемый в фельетоне журнала или в прибавлении к нему, подвергается штемпелю в один сантим с нумера.

15. Штемпель служит франкированием: штемпель в 5 сантимов за пересылку и раздачу по всему пространству республики, а штемпель в 2 сантима — за пересылку и раздачу в департаменте, где печатается издание, и в прилежащих к нему департаментах.

18. Прибавление, не превышающее 72 квадратных дециметров, при газетах, выходящих более 2 раз в неделю, освобождается

от штемпеля, если посвящено исключительно политическим известиям, прениям законодательного собрания и трибуналов, перепечатке и обсуждению правительственных актов.

20. Уступка одного процента из штемпеля делается издателям на макулатурную растрату бумаги.

22. Сборники и издания, бывшие избавленными от штемпеля до декрета 4 марта 1848 г., останутся изъятыми от него.

24. За нарушение этих правил газетами и журналами, независимо от возвращения утаенной пошлины, налагается штраф в 50 франков за каждый нештемпелеванный лист или часть листа. В случае повторения штраф удваивается. — В других сочинениях (то есть в отдельных брошюрах) каждое нарушение наказывается, кроме возвращения утаенной пошлины, штрафом, равным удвоенной сумме этой пошлины и ни в каком случае не меньше 200 франков.

ДЕКРЕТ 31 ДЕКАБРЯ 1851 — 3 ЯНВАРЯ 1852

Президент республики декретирует:

1. Ведение всех проступков, предусмотренных законами о печати, передается трибуналам исправительной полиции.

(То есть дела эти изъеются от суда присяжных, ассизного суда, исключительно ведению которого были предоставлены прежними законами. Трибуналы исправительной полиции имеют судопроизводство гласное и словесное, но без присяжных.)

ОРГАНИЧЕСКИЙ ДЕКРЕТ 17—23 ФЕВРАЛЯ 1852

Президент республики декретирует:

Глава первая

*О предварительном разрешении и залоге газет
и журналов*

1. Никакая газета или журнал, говорящие о политических делах или общественной экономии, будут ли они выходить в определенные сроки или выпусками в неопределенные сроки, не могут быть основаны или издаваемы без предварительного разрешения правительства. Это разрешение может быть даваемо только французу, совершеннолетнему, пользующемуся гражданскими и политическими правами. — Предварительное разрешение правительства также необходимо для всякой перемены в личностях ответственных редакторов, главных редакторов, собственников или администраторов газеты.

4. В департаментах Сены, Сены и Уазы; Сены и Марны и Роны * залог устанавливается следующий: у газет и журналов, выходящих более 3 раз в неделю, 50 000 франков; у выходящих только 3 раза в неделю и реже — 30 000 франков. В городах, имеющих 50 000 жителей и более, залог газет и журналов, выходящих более 3 раз в неделю, должен быть 25 000 франков, а в других городах — 15 000 франков, и половина этих сумм — для изданий, выходящих 3 раза в неделю или реже.

5. Издание газеты или журнала без предварительного разрешения, без залога или без пополнения залога наказывается штрафом от 100 до 2000 франков за каждый номер или выпуск, изданный с нарушением этих правил и заключением в тюрьму от 1 месяца до 2 лет. — Издатель газеты или журнала и типографщик оба подлежат ответственности. — Газета или журнал перестает издаваться.

Глава вторая

О штемпеле

6. Газеты и журналы, имеющие меньше 10 листов от 25 до 32 квадратных дециметров или меньше 5 листов от 50 до 72 квадратных дециметров, подлежат штемпельной пошлине. Она устанавливается в 6 сантимов с листа в 72 квадратных дециметра и меньше в департаментах Сены и Сены и Уазы и в 3 сантима в других департаментах. За каждые 10 квадратных дециметров платится $1\frac{1}{2}$ сантима в департаментах Сены и Сены и Уазы и 1 сантим в других департаментах.

9. Непериодические сочинения, говорящие о политических предметах или общественной экономии, издаваемые одним или несколькими выпусками менее 10 печатных листов от 25 до 32 квадратных дециметров, подвергаются штемпелю в 5 сантимов с листа. За каждые 10 квадратных дециметров и каждую дробь их сверх этой величины платится $1\frac{1}{2}$ сантима.

11. Нарушение этих правил в газетах и журналах наказывается, независимо от уплаты утаенной пошлины, штрафом в 50 франков с каждого листа или части листа без штемпеля. Сумма штрафа не может превосходить цифру залога. В других периодических изданиях нарушение, независимо от уплаты утаенной пошлины, наказывается штрафом, равным удвоенной сумме пошлины. Этот штраф не может быть меньше 200 франков, ни выше 50 000 франков.

13. Сверх штемпельной пошлины, определяемой настоящим законом, восстанавливается плата за пересылку по почте, существовавшая до закона 16 июля 1850 года.

* В департаменте Роны находится Лион.

Глава третья

*Проступки и нарушения правил, не предусмотренные
прежними законами. — Подведомственность дел. —
Право приостановки и запрещения*

15. Обнародование или перепечатка ложных известий, подложных, измененных или лживо приписываемых кому-либо документов наказывается штрафом от 50 до 1000 франков. Если обнародование или перепечатка сделаны злоумышленно или могут нарушить общественное спокойствие, они наказываются заключением в тюрьму от 1 месяца до 1 года и штрафом от 500 до 1000 франков. Если обнародование или перепечатка и сделаны злоумышленно и могут нарушить общественное спокойствие, то определяется высший размер этого наказания.

17. Запрещается печатать отчеты о процессах по проступкам в делах печати; но приговор во всяком случае может быть опубликован. Судилища могут запрещать печатание отчетов о процессе во всех делах гражданских, исправительной полиции и уголовных. Это запрещение не применяется к приговору, который всегда может быть опубликован.

18. Нарушение статьи 17 настоящего закона наказывается штрафом от 50 до 5000 франков, независимо от наказаний, устанавливаемых законом за то, если отчет неверен и злонамерен.

19. Ответственный издатель обязан помещать на первом месте в газете официальные документы, подлинные сведения, отчеты и исправления, присылаемые ему официальным лицом. Они должны печататься в 1-м номере, выходящем после дня получения бумаг. — Печатаются они бесплатно. — Нарушение наказывается штрафом от 50 до 1000 франков. Сверх того, газета может быть приостановлена в издании административным путем на время, не превышающее 15 дней.

20. Если обнародование газеты или журнала, приостановленных или запрещенных административным путем, продолжается под тем же заглавием или под прикрытым заглавием, авторы, ответственные редакторы или типографщики подвергаются тюремному заключению сроком от 1 месяца до 2 лет и все совокупно — штрафу от 500 до 3000 франков за каждый номер или лист, изданный с нарушением правил.

21. Запрещается печатание всякой статьи о политических предметах или общественной экономии, написанной лицом, осужденным на карательное и бесчестящее или только на бесчестящее наказание. — Издатели, ответственные редакторы, типографщики, содействовавшие этому напечатанию, наказываются все совокупно штрафом от 1000 до 5000 франков.

(Уголовный кодекс, ст. 7. Карательные и бесчестящие наказания суть:

- 1) смертная казнь, 2) вечная каторга, 3) ссылка, 4) временная каторга,
- 5) лишение свободы, 6) заключение в смиренный дом.

Наказания бесчестящие суть: 1) изгнание, 2) лишение гражданских прав.

Приведем некоторые примеры тому, за какие преступления человек подвергается одному из этих наказаний. Угол. код., ст. 305. «Письменная угроза убийством наказывается каторжною работою, если сопровождалась приказанием исполнить что-либо».

Ст. 309. «Заключением в смиренный дом наказывается всякий, кто нанес раны или удары, если от того произошла болезнь или неспособность заниматься трудом более нежели в течение 20 лет. — Если удары или раны, нанесенные без намерения причинить смерть, причинят ее, виновный наказывается временною каторжною работою».

Из этих примеров видно, что карательному и бесчестящему наказанию может подвергнуться человек за поступок, совершенный в порыве страсти или по случайному стечению обстоятельств и нимало не свидетельствующий против способности его вообще рассуждать о делах здравым и спокойным образом.)

24. Кто занимается книжною торговлею без получения патента, требуемого 11 статьею закона 2 октября 1814 г., наказывается заключением в тюрьму от 1 месяца до 2 лет и штрафом от 100 до 2000 франков. Его заведение закрывается.

25. Трибуналами исправительной полиции судятся: 1) проступки, совершаемые способом печати по ст. 1 закона 17 мая 1819 г. и подлежавшие прежде ассизному суду; 2) нарушения правил о печати, предусмотренные прежними законами; 3) проступки и нарушения, поименованные в настоящем законе.

28. Представление свидетелей для доказательства действительности фактов обидных или бесславящих ни в каком случае не допускается.

32. Одно осуждение за преступление, совершенное посредством печати, два осуждения за проступки или нарушения правил, совершенные в течение двух лет, безусловно влекут за собою запрещение газеты, ответственный редактор которой был осужден. — После осуждения за проступок или нарушение правил по делам печати правительство в течение двухмесячного срока может определить или временную приостановку, или запрещение газеты. — Газета может быть приостановлена министерским решением, хотя бы и не подвергалась никакому осуждению, после двух мотивированных предупреждений, на срок не свыше двух месяцев. — После судебной или административной приостановки также может быть запрещена, но только особым декретом императора по соображению общественной безопасности.

Глава шестая

Переходные меры

33. Собственники существующих ныне газет и журналов освобождаются от надобности в разрешении, требуемом статьею 1 настоящего закона.

ЗАКОН 27 ФЕВРАЛЯ — 2 МАРТА 1858

1. Кто каким бы то ни было способом будет публично возбуждать к преступлениям, поименованным в статьях 86 и 87 уголовного кодекса, если это возбуждение останется без последствий, наказывается заключением в тюрьму от 2 до 5 лет и штрафом от 500 до 10 000 франков.

(86 ст. уголовного кодекса говорит о преступлениях лица против императора и особ императорской фамилии. Статья 87 уголовного кодекса приведена выше.)

2. Кто, с целью нарушить общественное спокойствие или возбудить к ненависти или презрению против императорского правительства, ведет интриги или сношения в пределах или за пределами империи, наказывается заключением в тюрьму от 1 месяца до 2 лет и штрафом от 100 до 2000 франков.

4. Лица, осужденные по предыдущим статьям, могут быть лишены всех или некоторых прав, поименованных в 42 ст. уголовного кодекса, на время, равное сроку тюремного заключения, которому подверглись.

5. Всякое лицо, осужденное за один из проступков, предусмотренных настоящим законом, может быть для ограждения общественной безопасности отправляемо на безвыездное жительство в один из департаментов империи или в Алжирию или изгоняемо из французской территории.

8. Власть, даваемая правительству 5 статье настоящего закона, должна прекратиться 31 марта 1865 г., если не будет возобновлена до того времени.

Мы пожертвовали почти полутора печатными листами на скучный и по-настоящему лишний перевод, которого почти никто не прочтет; зато теперь, имея возможность отправлять каждого недоверчивого читателя за справками к предыдущим страницам, мы чувствуем себя вправе утверждать, что выводы из изучения французских законов по делам печати, представляемые нами здесь, не подлежат никакому дельному опровержению.

Во-первых, мы не хотим пропустить без внимания цифр годов и месяцев, выставленных на этих законах.

Первые шесть законов принадлежат эпохе реставрации (21 октября 1814; 17 мая 1819; 26 мая 1819; 9 июня 1819; 25 марта 1822; 18 июля 1828). Известно, в каком отношении к нации находилось правительство реставрации. Оно было установлено во Франции иностранцами, завоевавшими Францию. Мы не говорим о том, хорошо или дурно оно было само по себе, — это уже все равно после такого факта, как происхождение от иностранных завоевателей. Вообразим себе, что какое-нибудь учреждение было

бы установлено Наполеоном I в 1812 г. в русских провинциях, которые он занял своими войсками. Будь это учреждение очень хорошо само по себе, мы, русские, немедленно постарались бы уничтожить его, заменить чем угодно, лучшим ли, худшим ли, только заменить чем-нибудь своим, не наложенным на нас волею иностранного завоевателя. Точно таково было отношение французской нации к правительству реставрации. Она все время только и думала о том, чтобы уничтожить его. Оно очень хорошо чувствовало это; оно понимало, что ему надобно опасаться французов, держать себя с управляемою нациею, как нациею, враждебною ему. Оно не могло существовать иначе, как подавляя национальные чувства.

Это несчастное положение продиктовало реставрационные законы по делам печати. Вот почему ремесло типографщика было подчинено особенному надзору, вот откуда взялась надобность, чтобы никто без особенного разрешения не мог завести типографию или открыть книжную лавку (Закон 21 октября 1814, ст. 11). Французы вообще были враги французского правительства. Без выбора допускать каждому желающему заводить типографию или книжную лавку, значило бы увидеть, что из тысячи типографий и книжных лавок девятьсот девяносто принадлежат врагам правительства (как из тысячи ткацких станков, из тысячи купеческих прилавков за девятьюстами девяносто станками и прилавками сидели враги правительства). Люди, согласные не то что поддерживать, а хотя бы равнодушно переносить тогдашнее правительство, были во Франции исключениями, стало быть, допускать людей становиться хозяевами типографий и книжных лавок можно было только по выбору. Но правительство было так ненавистно и образованному обществу, и простому народу, что не могло рассчитывать на постоянство и этих немногих избранных в их преданности: они ведь были люди, они могли поддаться общему чувству, которое втолковывали им все встречные и поперечные, стало быть, необходима была предосторожность против измены и этих немногих избранных. Вот откуда возникло постановление, что разрешение содержать типографию может быть отнято во всякое время (тот же закон, ст. 12). Но как сделать, чтобы всегда мог найтись благовидный предлог к отнятию разрешения? — Для этого были составлены правила, изложенные в статьях 14 и следующих того же закона. Затеряйся какая-нибудь квитанция, окажись на каком-нибудь листе по оплошности наборщика неисправность в имени или адресе типографщика, попадись какая-нибудь книжонка без этого имени и адреса, — вот и есть по закону предлог закрыть типографию или книжную лавку.

По этой же самой причине нужны были специальные законы для ограждения правительственных лиц (закон 17 мая 1819 г.). Если бы нация была не то что привержена, а хотя равнодушна к

правительству, не у многих являлась бы охота оскорблять печатным словом короля или его родственников, или его министров и их чиновников, — если люди равнодушны к кому-нибудь, то они никому не допустят оскорблять его безнаказанно: поднимается в обществе гвалт против обидчика, и человек, к которому прежде было оно безучастно, делается предметом сочувствия, когда оскорблен кто-нибудь. Для охранения каждого, не находящегося в особенной неприязни с обществом, достаточно общих законов. Но французские правительственные лица времен реставрации находились в исключительно неприязненных отношениях к обществу, потому для их охранения и нужны были исключительные законы (тот же закон, ст. 9, 10, 11, 16). Только в соответствии этим статьям явились и исключительные наказания для охранения иностранных правительств (тот же закон, ст. 12, 17) — неловко было бы не сделать в пользу других правительств такой же привилегии, как в свою пользу. — Только от этой же причины явилась надобность и в специальном законе для охранения религии и нравственности (тот же закон, ст. 8) — правительство покровительствовало клерикальной партии, потому католическая церковь разделяла непопулярность правительства; а нравственность поставлена тут лишь для благозвучия, — нельзя же, упомянув о религии, не замолвить слова и за нравственность.

Если бы не эти исключительные обстоятельства и соображения, не было бы никакой нужды в целом законе 17 мая 1819, — не к чему было бы постановлять особым законом, что «действия, объявляемые в уголовном кодексе преступлениями и проступками, подвергаются наказанию, когда совершаются способом печати» (тот же закон, ст. 1), — ведь уж определил уголовный кодекс, т. е. общий закон, что эти действия, каким бы способом ни совершались, все равно преступны; так что же еще толковать о них? Но дело в том, что общественная мысль была неприязненна правительству, и надобно было сделать новые постановления, чтобы подвести под наказание как можно большее число ее проявлений и чтобы наказывать их как можно сильнее. Для этой последней цели даже придумано было странное средство, противоречащее коренному правилу юриспруденции, постановляющему, что за одно преступление двух наказаний не бывает. В общем законе это правило соблюдено. Например, за оскорбление официального лица при исполнении его обязанностей общий закон постановляет заключение в тюрьму от 1-го до 6-ти месяцев (уголовный кодекс, ст. 243). — Закон 17 мая 1819 г. говорит, что такое оскорбление, нанесенное способом печати, подвергается, сверх заключения в тюрьму, еще денежному штрафу; да и тюремное заключение доводится до полутора года вместо общего годового срока (ст. 16). Вообще все наказания в законе 17 мая 1819 г. двойные: заключение в тюрьму само по себе, да сверх

того денежный штраф. Откуда эта надобность? Очевидно откуда: главная сила заключения в тюрьму состоит в том, что общество теряет часть уважения к человеку, сидевшему в тюрьме; но в делах, за которые хотел наказывать закон 17 мая 1819 г., общество сочувствовало человеку, запираемому за них в тюрьму, и уважение к нему не уменьшалось, а увеличивалось от этого наказания; вот и оказывалось оно недостаточным, — его не стыдились и потому мало боялись; значит, нужно было бить по карману.

Но всего этого было еще недостаточно. Правительство находилось в такой непопулярности, что не могло быть уверено даже в готовности судилищ заступаться за него. Судьи опять-таки были люди, могли поддаться общественному мнению, не признать преступлением такого действия, которому сочувствовала вся нация. Поэтому нужно было отыскать для предания суду и для денежных штрафов такой предлог, который был бы чужд правительственной непопулярности. Вот и был составлен специальный закон о наказаниях за «обесславление» частных лиц, опять с денежными штрафами. Теперь было достаточно попасть в газету какому-нибудь слову о каком-нибудь купце, что он продает товары дорого или дурного качества, — вот и готово наказание (закон 17 мая 1819 г., ст. 13 и 18). А чтобы нельзя было избавиться от наказания доказательством справедливости порицания, постановлено было, что доказательства справедливости не принимаются в оправдание (закон 26 мая, ст. 23).

Но всего этого было мало, — ведь наказания и штрафы все-таки частные случаи, постигающие только отдельные лица и издания; а правительство имело против себя всю нацию и все проявления национальной мысли; то есть и всю литературу. Надобно было принять общие меры против всей этой отрасли деятельности, постараться вообще подрезать ее. Для этого послужили залог и штемпель. Залог отнимал возможность деятельности у лиц, не располагающих значительным количеством наличных свободных денег, то есть у огромного большинства людей. Штемпель возвышал цену газет и брошюр, то есть уменьшал распространенность их в публике.

Кажется, было довольно. Но оказалось мало: закон 25 марта 1822 г. постарался увеличить число действий, за которые можно было наказывать, и увеличил меру наказаний. Известно, при каких обстоятельствах был издан он. Фанатик из простолюдинов заколол герцога беррийского⁵. Человек этот не имел никакой связи ни с кем из литературного или хотя бы вообще образованного общества. Экзальтированная ненависть его к Бурбонам развилась без всякой помощи какого бы то ни было чтения. Его ожесточили материальные страдания простолюдинов, высокомерные поступки чиновников и других людей правительственной партии. Но ужас, наведенный его делом на правительственную

партию, затмил в ней всякую рассудительность: она провозгласила соучастниками в его деле не только литераторов, но и близких к королю придворных, которыми была недовольна, в том числе министра Деказа⁶, личного друга короля. Деказ и все другие сколько-нибудь рассудительные люди были выгнаны из дворца и правительства, а литература подвергнута новым стеснениям.

Какую пользу принесло все это, известно каждому. Бурбоны пали. Но Людовик-Филипп, занявший их место, захватил власть путем не очень чистым, — он интриговал против Бурбонов, выказывая им величайшую преданность на словах; он точно так же обманывал и врагов прежнего правительства, которые скоро увидели, что вручили власть лицу, не думающему исполнять данных обещаний. А для массы народа ничего не было сделано, и ею овладела досада на то, что она переменила правительство совершенно безуспешно. Таким образом, Людовик-Филипп стал и к образованному обществу, и к нации точно в такое же положение, в каком были Бурбоны: число людей, не только преданных правительству, а хотя бы только согласных переносить его, было очень невелико сравнительно с массою французов, неприязненных ему. Поэтому и должны были оставаться законы, стеснявшие проявление национальной мысли.

Скоро они были усилены новым законом 9 сентября 1835 г.⁷ Это постановление было издано при таких обстоятельствах. Два-три фанатика, опять из простолюдинов, не имевших ни связей в литературном или образованном обществе, ни привычки к чтению, покушались на жизнь короля⁸. Панический страх, овладевший правительственною партией, внушил ей, что прежние меры для стеснения политической жизни и для ограждения правительства от покушений недостаточны. Отсюда новые стеснения для журналистики, хотя она и ровно ничем не участвовала в покушениях.

Но сваливание всей беды на журналистику было такою очевидною натяжкой, что самому правительству, несмотря на его паническое ослепление, чувствовалась недостаточность стеснений для своего укрепления. Оно чувствовало, что слабость его и опасности для него возникают не от журналистики, а совершенно от другого обстоятельства: оно не имело приверженцев в нации; надобно было придумать что-нибудь, чтобы приобрести их. По внушению этого инстинкта, оно попробовало склонять общество на свою сторону доказыванием, что семейное спокойствие, безопасность собственности и все материальные интересы связаны с существованием тогдашних правительственных форм; что их потрясение было бы равнозначительно междоусобной войне между сословиями. Отсюда и в законы по делам печати проникла надобность в специальном постановлении, ограждающем собственность и доброе согласие между различными классами (закон 9 сен-

тября 1835 г., ст. 8). Специальные наказания проступков посредством печати по этим вещам были просто средством доказывать обществу, что существовавшее правительство должно считаться за привилегированную партию защитников собственности.

Дальнейшие усиления стеснительных мер по делам печати почти не нуждаются в объяснениях, потому что еще всем памятные события, из которых они возникли.

Декретом 4 марта 1848 г. (вследствие февральской революции) были уничтожены стеснения литературной деятельности, в том числе залог и штемпель. Эта мера объясняется мнением тогдашнего правительства, что на его стороне масса нации и что общественное мнение в его пользу. — Нам нет надобности разбирать, каковы были отношения и события, вследствие которых выбор президента республики и потом выборы депутатов в законодательное собрание произошли в направлении, противном существовавшим формам. Для нашей цели достаточно знать тот факт, что президентом республики было избрано лицо⁹, считавшее нужным учредить на место республики империю, а большинство нового собрания составилось из лиц, считавших нужным восстановить королевскую власть, которую одни из этих лиц хотели возвратить Бурбонам, а другие — Орлеанскому дому¹⁰. Таким образом, обе отрасли правительственной власти, исполнительная и законодательная, стремились к низвержению существовавшей правительственной формы; общество от этого тревожилось ожиданием новой катастрофы, которая казалась тем страшнее, что в самом правительстве шла борьба между тремя партиями, думавшими сражаться между собой во время катастрофы: эта борьба, повидимому, должна была удлинить катастрофу, довести ее до продолжительной междоусобицы. Страшась этого бедствия, общество становилось в неприязнь к правительству, приводившему своими действиями к такой развязке. Понятно после этого, что правительство нашло нужным стеснить проявления общественного мнения, — и вот объяснение декрета 16 июля 1850 г., восстановившего залог и штемпель. Придуманы были даже новые меры стеснения; из них особенно важно было постановление, чтобы каждая статья, имеющая отношение к политике, была подписана автором. В этом не было надобности для целей собственно карательных: ни один сколько-нибудь заметный писатель никогда не прятался за анонимность, если его неподписанная статья предавалась суду. Но анонимность статей нужна была газетам для того, чтобы являться представителями направления целой известной партии, а не выражением личных взглядов того или другого писателя. Неподписанная статья — мнение самой газеты и всех лиц, сочувствующих газете; это общее значение пропадает в личном характере мнения, если статья подписана. Итак, постановление о необходимости подписей служит одним из бесспорных признаков того, что закон 16 июля

1850 года был порожден не другими какими-нибудь соображениями, а именно тем, что правительство чувствовало необходимость ослабить журналистику, как представительницу враждебного ему общественного мнения.

Но при всем желании подавить ее, тогдашнее правительство находило надобность показывать, что оно считает себя более популярным, чем дореволюционное орлеанское правительство. Поэтому в закон 16 июля 1850 г. были введены некоторые правила, смягчавшие суровость мер, принимаемых против журналистики. Например: штемпель восстановлен в размере, несколько меньшем прежнего: прежде бралось 6 сантимов с листа в 30 квадратных дециметров (закон 14 декабря 1830 г.), теперь — только 5 сантимов с допущением листа с лишком вдвое большего формата (закон 16 июля 1850 г.). При этом штемпель восстанавливался под видом платы за пересылку газеты по почте (тот же закон, ст. 15), а не просто в прежнем виде чистого налога. Залог был восстановлен в размере, гораздо меньшем прежнего. Прежде ежедневная газета в Париже должна была представлять 100 000 франков залога (закон 10 сентября 1835 г., ст. 13); теперь от нее требовалось только 24 000 франков залога.

Вскоре произошла перемена, поставившая правительство в необходимость принять более сильные меры против выражений общественного мнения. После катастрофы 2 декабря 1851 г.¹¹ президент республики, уничтоживший парламентскую форму правления и потому имевший своими врагами всех приверженцев этой формы, должен был устранить присяжных от решения процессов по делам печати, потому что суд присяжных не казался достаточно ограждающим новое правительство (декрет 31 декабря 1851). Таким образом, журналистика была отдана под власть судей, назначаемых самим правительством.

То отношение правительства к общественному мнению, которое решительно обрисовалось после катастрофы 2 декабря, оказалось не мимолетным явлением, как надеялось новое правительство: неприязнь не ослабевала, а оставалась непреклонна. Поэтому правительство убедилось в необходимости более сильных мер для обуздания общественного мнения и принуждено было издать декрет 17 февраля 1852 г.¹², дававший ему безусловную власть над журналистикой. Кроме полного восстановления всех стеснительных мер, существовавших при Орлеанском доме, и кроме новых мер, установленных законом 16 июля 1850 г., декрет 17 февраля 1852 г. окончательно устанавливает устранение суда присяжных от всяких дел по печати и, находя недостаточным даже то обеспечение, какое дается правительству преданностью судей, назначаемых самим правительством, предоставляет уже чисто административным сановникам приостанавливать издание газет или журналов и запрещать их без суда и следствия (декрет 17 февраля 1852 г., ст. 32).

Наконец после орсиньевского дела¹³ понадобилось правительству еще более действительное средство для ограждения своей безопасности, и декрет 2 марта 1858 г. постановил, что оно имеет право в случае нужды отсылать на жительство в отдаленную провинцию или в Алжирию каждое лицо, заслужившее его неблагоклонность.

На этом общем очерке происхождения французских законов по делам печати мы пока и остановимся. Они могли бы казаться странными, если бы мы стали рассматривать их с какой-нибудь другой точки зрения, кроме чисто исторической. Перечитайте все их, — вы увидите в них только одно желание: по возможности затруднить и стеснить литературную деятельность. Но что же делать, — это было необходимо для французских правительств по их отношению к нации и к общественному мнению; потому с исторической точки зрения, которую старались мы разъяснить, эти законы совершенно естественны. Если правительство Бурбонов, потом правительство Людовика-Филиппа, потом правительство, возникшее после февральской республики, — чувствовали себя непопулярными, имеющими против себя общественное мнение, то нельзя находить, что они были непоследовательны, принимая всевозможные меры против обнаружения общественного мнения. Для этой цели действительно очень хорошими средствами надобно признать и залог, и штемпель, и выдачу специального разрешения на открытие типографий с правом отнимать это разрешение, и специальные законы о проступках по делам печати, и право административной власти приостанавливать и запрещать газеты и журналы. Если бы французские правительства могли считать себя имеющими общественное мнение на своей стороне, могли думать, что нация имеет преданность или хотя доверие к ним, тогда действительно они могли бы обойтись без этих специальных законов. Ведь для ограждения собственности короля Людовика-Филиппа, или бывшего президента республики, или нынешнего императора французов, или их министров, или их судей и чиновников не требуется никаких специальных законов, потому что в этих случаях общественное мнение на их стороне: вор, укравший деньги у министра или чиновника, не поддерживается общественным мнением, потому не нужно против него исключительных законов. Но власть французского правительства не ограждается общественным мнением, и потому для ее безопасности действительно необходимы исключительные меры.

Мы не имеем ни времени, ни охоты разбирать здесь, до какой степени положение других континентальных западных правительств сходно с положением французского и до какой степени необходимы для них исключительные законы по делам печати, действительно необходимые для французского правительства: мы

не будем разбирать потому, что подобное исследование было бы совершенно напрасно: мы уже говорили, что Франция, как передовая страна, имеет неотразимое влияние всеми, и хорошими и дурными, сторонами своей жизни на другие континентальные страны Западной Европы и что по самому превосходству ее над ними в огромном количестве выработанного ею хорошего не могут они не заимствовать из нее и довольно многого дурного. Что делать? Тут еще не от чего унывать.

По той же самой причине мы не будем разбирать теперь вопроса, до какой степени нужны были бы у нас специальные законы по делам печати. Если б и оказалось, что они не нужны, все-таки из этого вывода ровно ничего не вышло бы. Мы все-таки не обошлись бы без них. А что, если бы оказалось, что они действительно нужны у нас? Тогда мы вновь заслужили бы имя обскурантов, врагов прогресса, ненавистников свободы, панегиристов деспотизма и т. д., как уже много раз подвергали себя такому нареканию. Вот другая и, по правде сказать, важнейшая причина тому, что мы не хотим исследовать вопроса о надобности или ненадобности специальных законов по делам печати у нас: мы опасаемся, что добросовестное исследование привело бы нас к ответу: да, они нужны.